

Д.А. КЛЕСТОВ*

**ТРОПА НАСИЛИЯ: ЛОВУШКА ГОББСА
И МЕХАНИЗМЫ ЭСКАЛАЦИИ В СТОЛКНОВЕНИЯХ
МЕЖДУ ПРОТЕСТУЮЩИМИ И ПОЛИЦИЕЙ**

Аннотация. Статья посвящена концептуализации эскалации протестного и полицейского насилия в ходе уличных акций. В качестве теоретической рамки используется модель ловушки Гоббса, описывающая ситуацию, при которой стороны конфликта действуют в условиях взаимного недоверия, ожидают худшего сценария и предпринимают упреждающие действия, тем самым повышая вероятность насильственного столкновения, а также формируя спираль насилия. На примере протестов в Швейцарии, Исландии и Финляндии демонстрируется, что резкая эскалация возможна даже в странах с высоким уровнем доверия к полиции, устойчивым правопорядком и низким уровнем политического насилия. В статье уточняется различие между протестным и полицейским насилием, а также подчеркивается их асимметричный характер.

Автор предлагает дополнить пазл ловушки Гоббса требуются дополнительные детали в виде механизмов эскалации насилия. Для этого выделяются три механизма эскалации со стороны государства и полиции: чрезвычайность, маргинализация и безопасность. Им соответствуют ответные механизмы со стороны протестующих: защитная мобилизация, снижение издержек насилия и радикализация флангов. В совокупности они образуют тропу насилия – последовательную модель перехода от неопределенности намерений к определению угрозы, превентивному действию, ответной мобилизации, подтверждению исходного прогноза, силовому вмешательству и закреплению опыта столкновения.

Ключевые слова: протесты; полиция; полицейское насилие; протестное насилие; эскалация; ловушка Гоббса; спираль насилия; механизмы.

Для цитирования: Клестов Д.А. Тропа насилия: ловушка Гоббса и механизмы эскалации в столкновениях между протестующими и полицией // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 274–300. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.13>

* Клестов Даниил Александрович, аспирант Аспирантской школы по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: klestov-57@mail.ru

© Клестов Д.А., 2026

DOI: 10.31249/poln/2026.03.13

Три (не)одинаковых протеста

В январе 2003 г. антиглобалистские группы попытались провести протестную акцию в связи с Всемирным экономическим форумом в Давосе. На пути к месту проведения форума была выстроена система проверок и полицейских патрулей; часть протестующих оказалась остановлена в районе Ландкварта, доступ к дороге в сторону Давоса был ограничен. С точки зрения полицейских, речь шла о защите безопасности чувствительной зоны, в которой находились представители политических и экономических элит разных стран. С точки зрения протестующих, блокирование маршрута означало невозможность выразить позицию именно там, где это выражение имело наибольший смысл. После многочасового противостояния часть протестующих переместилась в Берн, где начались столкновения: полиция резко начала применять слезоточивый газ, водометы и резиновые пули; фиксировались задержания и повреждение имущества в районе главного вокзала. Уже после событий руководитель полиции Берна назвал протестующих «террористами худшего порядка»¹.

В январе 2009 г. в Исландии после финансового кризиса и экономического шока в Рейкьявике усилились протесты против правительства. 20 января участники акции переместились к парламенту, требовали отставки кабинета министров, пытались пройти внутрь и окружили автомобиль премьер-министра. Полиция массово применила против протестующих перцовые баллончики. В ответ на это участники акции бросали яйца, снежки и петарды, а также вступали в противостояние с полицией². 22 января полицейские внезапно применили слезоточивый газ. Глава столичной полиции назвал эти действия «последней мерой», необходимой для предотвращения ущерба общественным зданиям и пространству, а также травм среди сотрудников полиции³.

В декабре 2024 г. в Хельсинки произошли столкновения вокруг факельного шествия «612» и контрдемонстрации антифашистских групп. Полиция заранее ожидала сближения конфликтую-

¹ Davos and Evian. – Mode of access: <https://www.statewatch.org/media/documents/subscriber/protected/sw13n1.pdf> (accessed: 27.04.2026). P. 20.

² Police fire pepper spray at Iceland protesters // Reuters. – 20.01.2009. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/technology/police-fire-pepper-spray-at-iceland-protesters-idUSLK121227/> (accessed: 27.04.2026).

³ Iceland police and protesters clash // Aljazeera. – 22.01.2009. – Mode of access: <https://www.aljazeera.com/news/2009/1/22/iceland-police-and-protesters-clash> (accessed: 27.04.2026).

щих групп в центре города¹. В день акции участники правого марша захватили и подожгли транспаранты антифашистов, а также отобрали у контрпротестующих палестинский флаг. После этого полиция резко вмешалась: были задействованы сотрудники спецподразделений, лошади и служебные собаки, задержан 41 человек. Журналист Helsingin Sanomat заявил, что «никогда не видел столько полицейских на демонстрации»². Логика действий полиции описывалась через необходимость разделить группы, удержать контроль над общественным пространством и предотвратить дальнейшие столкновения.

Все три эпизода различаются по времени, стране, политическому контексту, идеологическому составу участников и масштабу конфликта. Однако во всех случаях повторяется общая последовательность. Полиция интерпретирует протестные действия как потенциальную угрозу безопасности, усиливает контроль пространства, ограничивает движение или сближение участников, а затем переходит к резким насильственным действиям. Протестующие, в свою очередь, воспринимают усиленное присутствие полиции как давление и ограничение своих прав на выражение недовольства.

При этом выбор Швейцарии, Исландии и Финляндии в качестве примеров важен из-за общего институционального фона. Во всех этих странах образцовая полиция, и более того, одни из лучших полицейских структур в мире. В опросе OECD Trust Survey 2023 полиции доверяли 75% граждан Швейцарии, 73% граждан Исландии и 87% граждан Финляндии³; при этом Финляндия показала самый высокий уровень доверия к полиции среди исследуемых стран. В Глобальном индексе миролюбия (*Global Peace Index*), исходя из уровня внутренней и внешней агрессии, в 2025 г. Исландия заняла 1-е место, Швейцария – 5-е, Финляндия –

¹ Police detain counter-protesters at far-right march // Ylesradio. – 06.12.2024. – Mode of access: <https://yle.fi/a/74-20129751> (accessed: 27.04.2026).

² 612 march sparks clashes, arrests, and Nazi salute accusations // HELSINKI TIMES. – 08.12.2024. – Mode of access: <https://www.helsinkitimes.fi/finland/finland-news/domestic/25848-612-march-sparks-clashes-arrests-and-nazi-salute-accusations.html> (accessed: 27.04.2026).

³ Trust Survey International Comparisons 2023 // CSO. – 2023. – Mode of access: <https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-trsic/trustsurveyinternationalcomparisons2023/results/> (accessed: 27.04.2026).

10-е¹. Кроме того, эти страны находятся в верхней группе Индекса верховенства права Всемирного банка: на 12-м, 5-м и 1-м месте соответственно².

Как видно из этих примеров, внезапная эскалация насилия возможна даже там, где ее вероятность, на первый взгляд, должна быть нулевой или низкой. Все три страны являются устойчивыми демократиями и ассоциируются с высоким доверием, а также сдержанностью и эффективным поддержанием порядка со стороны полиции. Однако во всех трех случаях полиция использовала силу против участников акции. Это подводит нас к теоретической проблеме: почему в демократиях, где протесты разрешены и вшиты в саму институциональную основу, между полицией и протестующими может резко вспыхнуть насилие?

Ловушка Гоббса в уличных протестах

Наша работа находится на пересечении ряда исследовательских направлений. Литературу о причинах государственного насилия в отношении протестующих и про переход от мирного протеста к насильственному можно условно поделить на три направления. Первое связано с изучением связи между репрессиями и протестной активностью (Protest-Repression Nexus): здесь центральным является вопрос о том, сдерживает ли государственное принуждение протест или, напротив, создает условия для его усиления [Lichbach, 1987; Moore, 1998; Davenport, 2007]. Второе направление рассматривает причины протестного насилия, включая организационную слабость движения, снижение относительных издержек от перехода к насильственным тактикам, включение радикальных флангов и эффект предшествующих репрессий [Haines, 1984; della Porta, 1995; Ives, Lewis, 2019; Chenoweth, 2023]. Третье связано с исследованиями по теме охраны общественного порядка (protest policing), где внимание сфокусировано на полиции как организации (или корпорации), их профессиональную культуру и практики

¹ Global Peace Index 2025. – Mode of access: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2025/06/GPI-2025-web.pdf> (accessed: 27.04.2026). P. 8.

² Rule of law – Country rankings // The global economy. – Mode of access: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/wb_ruleoflaw/ (accessed: 27.04.2026).

поддержания порядка [della Porta, Reiter, 1998; Waddington, 1999; Reynolds-Stenson, 2017].

Отдельно стоит выделить вклад отечественных исследователей. Прежде всего речь идет о работах А.В. Коротаева и его соавторов, в которых рассматриваются демографические, социальные и экономические факторы возникновения насильственных и ненасильственных протестов [Коротаев, 2014; Коротаев, Сойер, Гринин, Шишкина, Романов, 2020; Романов, Мещерина, Коротаев, 2021; Устюжанин, Сумерников, Гринин, Коротаев 2022; Устюжанин, Гринин, Медведев, Коротаев 2022]. Существенное значение для данной проблематики имеют и исследования А.С. Ахременко и его соавторов, посвященные влиянию силового подавления на протестную мобилизацию и коммуникацию, а также долгосрочным эффектам репрессий [Ахременко, Филиппов, 2019; Ахременко, Беленков, Петров, 2021; Беленков, 2024].

Динамика насилия в приведенных выше случаях может быть описана через модель ловушки Гоббса (Hobbesian Trap), которая описывает столкновение полиции и протестующих как ситуацию взаимного недоверия, в которой действия каждой стороны усиливают худшие ожидания другой. Т. Гоббс описывал ее как часть естественного состояния: «из этого взаимного недоверия людей друг к другу нет более разумного пути для человека к обеспечению своей жизни, как принятие предупредительных мер, т.е. силой или хитростью держать в узде всех тех, кого он может, до тех пор пока не убедится, что нет другой силы достаточно внушительной, чтобы быть для него опасной» [Гоббс, 1936, с. 114].

В теории международных отношений эта логика получила развитие в концепции дилеммы безопасности (*Security Dilemma*). Г. Баттерфилд и Дж. Херц описывали ее как ситуацию, при которой меры самозащиты одного актора порождают страх у другого и запускают взаимное наращивание силы [Butterfield, 1951; Herz, 1950]. Р. Джервис показал, что ключевое значение здесь имеет неопределенность намерений: сторона может не иметь наступательных планов, но ее действия все равно будут интерпретированы как угроза, если у другой стороны отсутствуют надежные способы отличить оборону от нападения [Jervis, 1978]. К. Бут и Н. Уилер позднее подчеркнули, что дилемма безопасности связана не только с материальными возможностями сторон, но и с их интерпретациями, страхами, памятью прошлых конфликтов и ожиданиями от будущего поведения [Booth, Wheeler, 2008].

В протестном конфликте эта логика переносится с отношений между государствами на отношения между полицией и протестующими. Стороны также действуют в условиях неполной информации и взаимного недоверия.

На уровне полиции эта логика проявляется через усиление контроля. Перед акцией, особенно потенциально конфликтной, полиция выводит дополнительные подразделения, устанавливает барьеры, перекрывает маршруты, готовит транспорт для задержанных, использует защитное обмундирование, спецсредства, водометы, конные подразделения, служебных собак и т.д. В рамках полицейской логики все это может рассматриваться как профилактика: их задача – не допустить травмы, разрушения или оккупацию общественных пространств. Однако для протестующих такая подготовка может выглядеть как заранее принятое решение о силовом подавлении. Видимая готовность полиции к насилию становится сигналом, который способен поменять настроение толпы.

На уровне протестующих ответная логика может принимать разные формы. Часть участников начинает воспринимать полицию как источник угрозы и готовиться к защите: использовать маски, каски, плотные построения, импровизированные щиты, палки и т.д. Радикальные группы могут воспринять широкое присутствие полиции как доказательство невозможности мирных переговоров и перейти к насильственным тактикам. Даже если большинство протестующих не планирует использовать насилие, отдельные броски предметов, попытки прорыва оцепления или сопротивление задержанию подтверждают в глазах полиции предположения о потенциальной угрозе со стороны протеста.

Особое значение имеют *наличие и качество обратной связи* между полицией и протестующими. Там, где существуют переговорные каналы и коммуникация с организаторами, а также понятные и устоявшиеся маршруты движения протестующих, снижается неопределенность намерений и повышается доверие. Если же эти каналы отсутствуют или воспринимаются сторонами как фиктивные, любое действие легче воспринимается как угрожающее. Например, для полиции молчание со стороны организаторов, отказ от согласования или изменение маршрута могут выглядеть как подготовка к нарушению порядка. В свою очередь, для протестующих отсутствие объяснений со стороны полицейского руководства, внезапное оцепление или блокирование прохода выглядят как подготовка к силовому разгону.

Протестное и полицейское насилие: проблема понятий

Насилие относится к числу категорий, которые кажутся интуитивно понятными только до тех пор, пока мы не пытаемся исследовать его. В повседневном языке насилием могут называть широкий набор близких понятий, включая физическое нападение, принуждение, угрозу, административное давление, символическое унижение, разрушение имущества, а то и вовсе – существование устойчивого социального неравенства [Родионова, Смирнов, 2022]. Такая широта создает проблему – при чрезмерном расширении понятие размывается. Однако при излишнем сужении из определения могут выпасть важные формы принуждения.

Эта проблема отчетливо прослеживается в классической литературе о насилии. Х. Арендт предлагала жестко разделять власть и насилие: власть возникает из согласия в группе, тогда как насилие является последним инструментом подчинения, если все другие элементы власти больше не действуют [Arendt, 1970]. Для В. Бенямина, напротив, центральной была связь насилия и права: он различал правоустанавливающее и правоподдерживающее насилие, показывая, что право не только ограничивает силу, но и само воспроизводится через санкционированное принуждение¹. Й. Галтунг расширил поле анализа, предложив различать прямое и структурное насилие: первое связано с непосредственным причинением вреда, второе – с социальными структурами, систематически ограничивающими возможности людей [Galtung, 1969]. Ч. Тилли рассматривал коллективное насилие реляционно – как результат взаимодействия групп, организаций и политических предпринимателей, встроенных в конкретные конфигурации власти и мобилизации [Tilly, 2003].

В этом вопросе особенно важна работа Б.Г. Капустина «К понятию политического насилия», в которой показано, что политическое насилие нельзя рассматривать как внешнюю аномалию по отношению к политике, поскольку оно встроено в сами отношения власти, господства, сопротивления и подчинения [Капустин, 2003]. Ключевой тезис автора состоит в том, что насилие является нормативно нагруженным понятием: спор о насилии – это всегда спор о том, чьи действия признаются разумными, законными и не-

¹ Вальтер Бенямин. К критике насилия. – Режим доступа: https://intelros.ru/pdf/Kultivator_1/16.pdf?ysclid=moinhzbr47996890662 (дата посещения: 27.04.2026).

обходимыми, а чьи описываются как преступные, иррациональные и разрушительные. В протестном конфликте это особенно важно. Разгон толпы может быть представлен государством как восстановление порядка, а протестующими – как подавление. Прорыв оцепления может быть описан полицией как нападение, а участниками акции – как сопротивление незаконному ограничению движения. Следовательно, насилие в политике всегда существует в двойном измерении: как физическое действие и как борьба за его интерпретацию.

Мы опираемся на *минималистское* определение насилия как форму принудительного действия, связанную с причинением физического вреда людям, ограничением их телесной автономии, а также с целенаправленным материальным ущербом. Это определение занимает промежуточную позицию между узкой, чисто «физической» трактовкой и чрезмерно широким пониманием насилия как элемента психологии или структурного неравенства. Наше определение позволяет учитывать все разнообразие репертуара полиции и протестующих.

Однако принципиально важно различать протестное и полицейское насилие. Протестное насилие исходит от участников акции или связанных с ней групп. К нему относятся нападения на сотрудников полиции, бросание камней, бутылок, пиротехники и иных предметов, драки, поджоги, разрушение объектов, прорывы оцеплений, а также различные формы материального ущерба. При этом протестное насилие нельзя отождествлять со всей протестной кампанией. Даже в рамках особо конфликтных протестов насильственные действия часто совершаются меньшинством участников, радикальным флангом или ситуативными группами. Однако в восприятии полиции эти действия способны стать характеристикой всего протеста и заставить сотрудников перейти к жестким мерам.

Полицейское насилие, в свою очередь, является совокупностью принудительных действий полиции, направленных против участников протестной акции. Оно может выражаться в применении физической силы, дубинок, слезоточивого газа, перцовых баллончиков, водометов, резиновых пуль, служебных собак, конных подразделений, тактик окружения и вытеснения, массовых задержаний и иных средств подавления. В данном случае речь идет не только о незаконном или заведомо неправомерном насилии. Полицейское насилие может быть формально санкционированным, процедурно оформленным и оправданным аргументом о необхо-

димости сохранения общественного порядка и предотвращения беспорядков.

Такой подход позволяет избежать двух упрощений. Первое связано со сведением полицейского насилия исключительно к жестокости или превышению полномочий. Это сужает исследовательскую перспективу, поскольку в реальных протестных столкновениях значительная часть силовых действий полиции осуществляется внутри официального репертуара поддержания порядка. Жесткие тактики и применение спецсредств могут быть правомерными с точки зрения национального законодательства, но при этом способны усиливать конфликт, радикализовать протестующих и запустить ответную мобилизацию. Второе упрощение связано с представлением о протестном насилии как о простом отклонении мирного протеста. Насильственные тактики могут возникать спонтанно, но также быть следствием организационной слабости движения, отсутствия лидера, недавних репрессий, падения доверия к государству или ощущения, что ненасильственные действия больше не дают результата [Lichbach, 1987; Moore, 1998; Sullivan, 2018; Ives, Lewis, 2019; Chenoweth, 2023].

Отсюда следует важное различие между насилием как единичным действием и эскалацией насилия как процессом. Единичный эпизод насилия фиксирует факт применения силы или материального разрушения. Эскалация указывает на динамику, включая рост интенсивности, частоты, масштаба или жесткости насильственных действий. В протестной кампании эскалация может проявляться как количественно (через увеличение числа задержанных, раненых, пострадавших сотрудников полиции и разрушенных объектов), так и качественно (через расширение репертуара инструментов и тактик).

При этом между протестным и полицейским насилием существует асимметрия. Полиция обладает институциональным правом на легитимное применение силы и действует от имени общественного порядка. Ее насилие встроено в правовые процедуры, командные структуры, должностные инструкции и политические решения. Протестующие не обладают таким правом; их насилие часто описывается как нарушение порядка, даже когда сами участники объясняют его самообороной, ответом на действия полиции или общим произволом со стороны властей и нелегитимностью режима. Эта асимметрия означает, что одинаковые по физическому эффекту действия получают разный политический статус. Удар дубинкой, нанесенный полицейским, и удар палкой, нанесенный

протестующим, могут быть похожи как телесное воздействие, но различаются по институциональному положению субъекта, языку оправдания и последствиям для дальнейшей динамики конфликта.

При этом признание асимметрии не должно превращать полицию в безличный инструмент государства. Она является организацией со своими профессиональными нормами, представлениями об угрозе, корпоративной солидарностью и опытом прошлых столкновений [Reynolds-Stenson, 2017]. В классической формуле Э. Битнера полиция выступает институтом, которому общество поручает реагирование на ситуации, где может потребоваться применение силы [Bittner, 1970, p. 39]. Именно поэтому полицейское насилие встроено в саму функцию поддержания порядка. Данная мысль в дальнейшем раскроет понимание причин казалось бы внезапной протестной эскалации.

Эта асимметрия не отменяет ловушку Гоббса. Напротив, она делает ее более устойчивой. Поскольку полиция обладает правом на применение силы, ее превентивные действия легче получают официальное оправдание через язык порядка, безопасности и предотвращения ущерба. Поскольку протестующие лишены аналогичного институционального статуса, их ответное сопротивление чаще описывается как нарушение закона или беспорядки. Это различие способствует раскручиванию спирали.

Здесь возникает принципиальное ограничение модели. Ловушка Гоббса хорошо описывает форму эскалации: взаимное недоверие, ожидание худшего сценария, упреждающие действия, ошибочное чтение намерений и «самосбывающееся пророчество» об угрозе. Однако сама по себе она не объясняет, почему одни акции остаются конфликтными, но управляемыми, тогда как другие заканчиваются насилием.

Следовательно, ловушка Гоббса является необходимой, но недостаточной для объяснения динамики конкретных кейсов. Она показывает, как раскручивается спираль насилия, но требует уточнения через конкретные механизмы, запускающие и поддерживающие эту спираль.

Механизмы эскалации полицейского насилия

Таким образом, если ограничиваться моделью ловушки Гоббса, почти любое жесткое столкновение между протестующими и полицией можно описать как результат страха и взаимной подо-

зрительности. Такая трактовка полезна, но она оставляет открытым главный вопрос: какие именно звенья являются соединительными, ключевыми, в этой цепи?

Для ответа на него необходим, подход, фокусирующийся на выявлении механизмов и процессов. В классической формулировке Ч. Тилли, С. Тэрроу и Д. МакАдама, механизмы представляют собой ограниченную совокупность событий, которые схожим образом изменяют отношения между определенными наборами элементов в разных ситуациях [McAdam, Tarrow, Tilly, 2001, p. 24; Tilly, Tarrow, 2015, p. 29]. Это определение важно по двум причинам. Во-первых, оно позволяет избежать поиска одной универсальной причины эскалации. Протестное и полицейское насилие редко возникают из одного источника. Во-вторых, оно переводит анализ с уровня отдельных факторов и триггеров на уровень последовательностей и помогает ответить на вопросы: какие события следуют друг за другом, как они меняют восприятие акторов и почему после этого насилие становится более вероятным? В-третьих, механизмы предполагают гибкость и универсальность. Авторы механистического подхода Исследователи, использовавшие данный подход, фиксировали новые механизмы в ходе изучения кейсов. Более того, они признавали, что их подход является концептуальным фундаментом для формулирования других механизмов, и призывали других исследователей делать это. Так, К. Раслер на основе кейса Египетской революции 2011 г. предложила два оригинальных механизма: *«социальное присвоение мобилизованных ресурсов»* и *«стратегия властей: кнут или пряник»* [Rasler, 2017]. Первый отражает то, как протестные группы используют старые или формируют новые сети и институты для координации действий, а второй – реакцию властей на протестную мобилизацию: репрессии (кнут) или уступки (пряник), либо их совмещение, где уступки предлагаются умеренным группам, а репрессии применяются по отношению к радикальным.

В нашей предыдущей статье, изучая кейсы экстраординарно-го насилия в ходе антиковидных протестов в Австралии (2020–2021) и Нидерландах (2021–2022), а также протестов против неравенства в Чили (2019–2020), мы сформулировали три механизма со стороны государства и полиции [Клестов, 2025]. Каждый из них действует на своем уровне. Однако, в отличие от прошлой работы, где механизмы в первую очередь были сформированы на основе анализа кейсов, в рамках этой мы существенно модифицируем их,

связем с теоретической литературой и дополним тремя новыми механизмами.

Первый механизм – *чрезвычайность*. Его суть состоит в том, что государство переводит протест или более широкий кризис в особый правовой режим. Это может происходить в рамках полноценного чрезвычайного положения или его элементов, включая комендантский час, особые санитарные ограничения, запрет массовых мероприятий, расширение полномочий полиции, специальные муниципальные указы или иные чрезвычайные меры. В таком режиме полиция получает больше возможностей для превентивного вмешательства, а сама акция легче квалифицируется как нарушение особых правил.

С точки зрения теории этот механизм связан с литературой о чрезвычайном положении. К. Шмитт видел в чрезвычайном положении предельную ситуацию, в которой суверен проявляет свою власть через способность приостанавливать обычный правовой порядок [Schmitt, 2005]. В дальнейшем Дж. Агамбен радикализовал этот тезис, считая, что чрезвычайность в современных демократиях имеет тенденцию из временной меры превращаться в нормальный парадигмальный способ управления, при котором право не исчезает, а начинает действовать через частичное самостоятельное приостановление, создавая зону неопределенности между законностью и насилием [Agamben, 2005]. Эта зона выгодна государству, поскольку позволяет не обременять себя существующими сдержками и противовесами. В полной мере это проявилось во время пандемии COVID-19, когда демократические европейские страны, пользуясь чрезвычайностью, активно создавали подобные зоны неопределенности для санитарного надзора и принуждения.

Однако другие современные авторы, анализирующие чрезвычайное право в либеральных демократиях, показывают более сложную картину: речь чаще идет не о полном выходе за пределы права, а о создании специальных правовых режимов, где расширение исполнительной власти и силовых полномочий получает процедурное оформление [Gross, Ni Aoláin, 2006; Lazar, 2009]. Механизм чрезвычайности также близок к теории секьюритизации, в рамках которой особые меры становятся возможными после того, как проблема начинает восприниматься государством как угроза, требующая срочного вмешательства [Buzan, Waeber, de Wilde, 1998].

В протестной динамике чрезвычайность меняет саму рамку политического действия. Участие в акции начинает оцениваться как нарушение кризисного режима. Протест превращается в сани-

тарную угрозу, нарушение комендантского часа или отказ подчиниться специальному распоряжению. Для полиции это снижает порог вмешательства: разгон или задержание могут быть обоснованы уже самим фактом присутствия людей в запрещенном месте или в запрещенное время.

Механизм чрезвычайности запускается не всякий раз, когда протест становится массовым или конфликтным. Чрезвычайность возникает там, где у исполнительной власти уже есть правовой или административный ресурс для расширения полномочий полиции (в том числе в силу иных внешних обстоятельств, например, санитарных ограничений или антитеррористических мер), а также политический интерес представить протестные действия как нарушение особого режима. Причины могут быть различны – от оправдания провальных решений до страха за устойчивость рейтингов популярности.

Так, во Франции после терактов 2015 г. чрезвычайное положение использовалось для ограничения климатических протестов, включая запрет массовых акций и помещение активистов под домашний арест¹. В Нидерландах в январе 2021 г. антиковидные протесты разворачивались вокруг комендантского часа, с чем были связаны жесткие разгоны первых акций в Амстердаме и Эйндове [Клестов, 2025]. В Чили в октябре 2019 г. введение чрезвычайного положения и комендантского часа после начала массовых протестов также сформировало правовую рамку для резкого расширения силового репертуара карабинеров [там же].

Второй механизм – *маргинализация*. Он действует на символическом уровне и связан с изменением публичного статуса протестующих. Исполнительная власть, политические лидеры и руководство полиции могут описывать участников акции как преступников, экстремистов, радикалов, мародеров, врагов общества и маргинальное меньшинство. Этот механизм особенно важен, поскольку политическое насилие нуждается в языке оправдания. Прежде чем применить силу, необходимо объяснить, почему ее использование допустимо.

В теоретическом отношении маргинализация близка к исследованиям фрейминга, стигматизации и делегитимации коллективных акторов. В литературе о социальных движениях фреймы пони-

¹ Paris climate activists put under house arrest using emergency laws // CSO. – Mode of access: <https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-trsic/trustsurveyinternationalcomparisons2023/results/> (accessed: 25.05.2026)

маются как схемы интерпретации, в рамках которых протестующие и социальные движения формируют смысл своих действий [Snow, Benford, 1988]. Власти также создают фреймы: они могут описывать протест как законное выражение интересов, случайное нарушение порядка, угрозу безопасности или в качестве преступного насилия. Здесь также проявляется логика стигмы И. Гоффмана, когда определенная группа получает публичную метку, снижающую ее моральный статус и позволяющую иначе обращаться с ее представителями [Goffman, 1963]. В исследованиях репрессий близкая логика видна у М. Джошуа, которая объясняла легитимацию репрессий в автократиях через стигматизацию политических оппонентов [Josua, 2021]. Авторитарная власть клеймит протестующих и оппонентов «террористами» и «агентами Запада», подавая репрессии против них как защиту государства и общества.

Механизм маргинализации запускается, если власть имеет возможность и цель ослабить легитимность и обоснованность недовольства протестующих протестующих и тем самым уменьшить политические издержки от силового вмешательства и протеста в целом. Запуску такого механизма способствуют несколько условий: наличие радикального фланга, отдельные эпизоды протестного насилия, идеология участников (особенно если это представители меньшинств и маргинальных течений), высокая политическая чувствительность требований, а также конъюнктурная возможность представить протест как угрозу большинству (например, в случае нарушений санитарных мер).

Так, в Нидерландах в 2021 г. премьер-министр Марк Рютте называл беспорядки против комендантского часа «преступным насилием»¹, а министр юстиции Фердинанд Грапперхаус называл погромщиков «мародерами» и «вандалами»². В Чили в 2019 г. президент Себастьян Пиньера в ходе протестов против неравенства заявил, что «мы находимся на войне с могущественным и беспощадным врагом»³, усиливая восприятие протестной мобилизации как угрозы государству и общественному порядку.

¹ Covid: Dutch PM Mark Rutte condemns curfew riots as 'criminal violence' // BBC. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-europe-55796126> (accessed: 25.05.2026).

² Grapperhaus: 'We gaan schade verhalen op plunderaars en vernielers' // Media dpg. – Mode of access: <https://www.ad.nl/politiek/grapperhaus-we-gaan-schade-verhalen-op-plunderaars-en-vernielers~a28724c6/> (accessed: 25.05.2026).

³ Presidente Piñera: "Estoy seguro de que, con la unidad de todos los chilenos, vamos a derrotar a los violentistas y vamos a recuperar el país en paz y el país con

Маргинализация соответствует модели ловушки Гоббса, поскольку она заранее усиливает подозрения полиции в отношении протестующих. Если участники акции уже описаны как преступники или экстремисты, то их поведение будет интерпретироваться через эту рамку. Даже мирные граждане могут попасть под действие общей стигмы, если отдельные группы внутри акции совершают насильственные действия.

Для протестующих маргинализация имеет обратный эффект. Когда власть заранее отказывает им в статусе легитимного политического субъекта, то снижается доверие к переговорам и процедурам. Участники начинают воспринимать полицию и власть как сторону, которая уже сделала выбор в пользу репрессий. Это может укреплять солидарность внутри движения, усиливать радикальный фланг и снижать издержки конфронтационного поведения. Поэтому маргинализация меняет ожидания обеих сторон и тем самым увеличивает вероятность эскалации насилия.

Третий механизм – *безопасность*. Он является центральным. Его суть состоит в том, что полиция начинает рассматривать протест через призму предотвращения угрозы общественному порядку, контроля пространства и недопущения ущерба. В этой логике главной целью полиции становится удержание контроля над площадью, правительственными зданиями, транспортными маршрутами, городской логистикой и т.д.

Механизм безопасности связан с базовой функцией полиции. Напомним, что в классическом определении Э. Биттнера полиция является институтом, которому общество поручает реагирование на ситуации, где может потребоваться применение силы [Bittner, 1970]. Поэтому полицейское восприятие протеста неизбежно отличается от отношения к ним политических партий, судов, медиа или гражданских организаций. Полиция вступает в конфликт не только в момент преступления или явного насилия, но и тогда, когда с ее точки зрения порядок, управляемость и безопасность, могут быть утрачены. Именно поэтому механизм безопасности не требует предварительной криминализации протеста в строгом правовом смысле. В литературе по *public order policing* это связывается с тем, что полицейское управление протестами строится вокруг оценок угроз и рисков, причем сами эти оценки нередко оказываются шире, чем просто опасность физического вреда, и включают репу-

тационные издержки, угрозу утраты контроля и возможность подрыва легитимности полиции [della Porta, Reiter, 1998; Waddington, 1999; Reynolds-Stenson, 2017; Leach, 2023].

В модели ловушки Гоббса механизм безопасности работает через превентивность. Полиция действует до того, как «угроза» реализовалась, перекрывая улицу до прорыва, разделяя группы до массовой драки, вытесняя толпу до захвата здания и задерживая активных участников до широкого распространения беспорядков. В рамках полицейской логики это выглядит как предотвращение худшего сценария. Для протестующих же эти действия являются необоснованным применением силы и фактическим нападением, что в их восприятии легитимирует насильственный ответ.

В отличие от чрезвычайности и маргинализации, безопасность может срабатывать без жесткой риторики и без формального чрезвычайного режима. Полиция может действовать жестко просто потому, что видит угрозу порядку в конкретной ситуации. Так, в приведенном кейсе разгона антифашистского шествия в Хельсинки в 2024 г. логика безопасности проявилась в стремлении полиции разделить конфликтующие группы и удержать контроль над центральной площадью. При разгоне протестов в Давосе и Берне в 2003 г. полиция руководствовалась необходимостью ограничить доступ к чувствительной зоне у здания, где проходил Всемирный экономический форум. В Рейкьявике в 2009 г. полиция применила спецсредства для предотвращения ущерба правительственным зданиям и травм сотрудников полиции.

Именно поэтому механизм безопасности способен воспроизводиться вне зависимости от степени демократичности режима или эффективности и доброжелательности полиции. Любая полиция в рамках демократического режима в ходе протеста способна эскалировать насилие для активации механизма безопасности. Достаточно ситуации, в которой полиция воспринимает потерю контроля как недопустимый риск.

Однако безопасность часто усиливается чрезвычайностью и маргинализацией. Первая дает правовую базу для вмешательства и расширения полицейского репертуара, а вторая снижает моральные и политические издержки для применения силы. Безопасность превращает эти возможности в оперативные решения, включая силовой разгон, окружение, задержания и т.д. В этом смысле три механизма образуют последовательность, хотя в реальности их порядок может различаться. В одних случаях сначала вводится чрезвычайная рамка, затем протестующие маргинализируются,

после чего полиция действует из логики безопасности. Так произошло в Австралии и Нидерландах в ходе антиковидных протестов [Клестов, 2025]. В других случаях первым срабатывает механизм безопасности, а чрезвычайные меры и маргинализирующая риторика появляются уже после первых столкновений в качестве способа оправдания и закрепления жесткого ответа. Подобное наблюдалось в Чили во время протестов против неравенства [Клестов, 2025].

Механизмы протестной эскалации

Для полноты модели необходимо сформулировать ответные механизмы со стороны протестующих.

Первый из них – *защитная мобилизация*. Когда участники акции ожидают жестких действий полиции, они начинают готовиться к самообороне: используют маски, каски, защитные очки, плотные построения, средства связи, группы взаимопомощи и находят способы противодействия задержаниям [Mooge, 1998; Kadi-var, Ketchley, 2018]. С точки зрения протестующих это способ снизить издержки от полицейского насилия.

При этом защитная мобилизация может выражаться и в росте количества участников. Чем больше численность протестующих, тем ниже становятся индивидуальные риски участия и выше видимость протеста и чувство коллективной защищенности. Однако с точки зрения полиции, рост числа участников может означать угрозу потери пространственного контроля и риск начала и распространения беспорядков. Поэтому вовлечение максимально возможного количества граждан в протест способно одновременно как его усилить, так и повысить вероятность того, что полиция начнет воспринимать акцию как угрозу порядку.

Второй ответный механизм – *снижение издержек насилия*. После первых задержаний, травм, разгонов или унижительных действий со стороны полиции часть протестующих может прийти к выводу, что мирное поведение является неподходящей тактикой. В этом случае насилие начинает восприниматься как менее дорогостоящее или более оправданное коллективное действие. Здесь важна логика Б. Айвса и Дж. Льюиса: вероятность перехода от мирной демонстрации к беспорядкам увеличивается, когда относительная цена насилия снижается по сравнению с ненасилием [Ives, Lewis, 2019]. Внутри «ловушки Гоббса» это означает, что полицей-

ская сила, примененная для восстановления порядка, может изменить расчет части протестующих в пользу конфронтации.

Третий ответный механизм – *радикализация флангов*. Группы радикалов внутри движения могут использовать полицейское насилие как доказательство бесперспективности умеренной тактики. В этой логике работает описанный Х. Хейнсом «эффект радикального фланга»: активное меньшинство способно менять восприятие всего движения внешними акторами и влиять на положение его умеренной части [Haines, 1984]. В исследовании о радикализации и взаимной эскалации в ходе протестов в Италии и Германии в 1960-х и 1970-х годах Д. делла Порты отмечала, что полицейское подавление и сокращение формальных и неформальных возможностей для выражения несогласия стали важными условиями радикализации активистов и перехода части движения к более жесткому набору действий [della Porta, 1995].

Важно подчеркнуть, что предложенные механизмы не предполагают автоматизма. Чрезвычайность, маргинализация и безопасность *повышают вероятность* эскалации, но *не гарантируют* ее. Многое зависит от рациональных расчетов властей, выгод и издержек насильственных действий, степени угрозы, профессиональной культуры полиции, уровня организованности протестующих, поведения радикальных флангов и памяти о прошлых столкновениях [Lichbach, 1987; Della Porta, Reiter, 1998; Paoline, 2003; Acemoglu, Robinson, 2006; Davenport, 2007; Ives, Lewis, 2019; Chenoweth, 2023].

Тропа насилия как последовательная модель

Рассмотренные механизмы позволяют представить ловушку Гоббса как последовательную модель перехода к взаимной эскалации насилия. Мы обозначаем ее как тропу насилия – цепочку событий, интерпретаций и ответных действий, в ходе которой каждая сторона получает основания считать собственное поведение вынужденным, а поведение другой стороны – угрожающим. Ее смысл состоит не в том, что насилие заранее предопределено, а в том, что после запуска механизмов каждый следующий шаг уменьшает вероятность мирного выхода из конфликта, пока он не дойдет до определенного пика. Тропа насилия представляет собой своеобразную операционализацию ловушки Гоббса для анализа

протестных столкновений, последовательность, в рамках которой она затягивает участников конфликта.

Исходной точкой, *первой стадией* тропы выступает *неопределенность намерений*. Полиция не знает, останется ли акция мирной, будут ли участники соблюдать заявленный маршрут, попытаются ли радикальные группы прорвать оцепление, атаковать политических оппонентов, заблокировать инфраструктуру или приблизиться к правительственному зданию. Протестующие, в свою очередь, не знают, будет ли полиция сопровождать акцию, ограничится ли регулированием движения или она заранее готовится к разгону, массовым задержаниям и применению спецсредств.

Вторая стадия связана с *определением угрозы*. Для полиции она может считываться по различным индикаторам. Среди них численность толпы, непредсказуемость маршрута, наличие радикальных групп, близость к правительственным зданиям и т.д. Для протестующих угроза проявляется в инструментарии полиции: усиленном присутствии, защитном обмундировании и наличии спецсредств, блокировании улиц, появлении спецтехники, конных подразделений и т.д.

Третья стадия – *первичное конфликтное действие*. Оно может исходить от полиции или протестующих. В первом случае полиция меняет маршрут, блокирует проходы или ограничивает доступ к чувствительным зонам, окружает площадь или другие открытые пространства, разделяет протестующих на группы, вытесняет участников и задерживает наиболее активных. В полицейской логике такие меры направлены на предотвращение более тяжелых последствий, включая давку, драки, повреждения имущества, прорывы к защищаемому объекту или потерю контроля над городским пространством. В другом сценарии первыми к насилию переходят протестующие в целом или отдельные радикальные группы. Они атакуют полицейскую линию, бросают предметы, пытаются прорвать оцепление, поджигают объекты или вступают в столкновение с политическими оппонентами. В этом случае насильственные действия протестующих становятся для полиции подтверждением угрозы и снижают порог для последующего силового вмешательства.

Четвертая стадия – *ответная мобилизация*. Если первичное конфликтное действие было совершено полицией, протестующие могут реагировать сопротивлением задержаниям, попытками отбить участников акции, бросками предметов или переходом к более жестким действиям. Если насилие было инициировано протестующими, то ответная мобилизация происходит уже на стороне

полиции, прежде всего это отражается в ужесточении тактик и расширении набора спецсредств. Важнейший элемент – *эффект групповой ответственности*, который происходит из-за изменения коллективного восприятия противоположной группы: насильственные действия со стороны отдельных сотрудников полиции или радикалов переносятся на всю полицию и всех участников протеста как коллективных субъектов. В обоих вариантах действия, воспринимаемые одной стороной как восстановление порядка или как вынужденная защита, другой стороной считаются как доказательство агрессивных намерений всей группы.

При этом ответная мобилизация усиливается формированием внутригрупповой идентичности. Это соответствует логике Б. Кландерманса, который писал, что участие в коллективном действии связано не только с расчетом выгод и издержек, но и с ощущением принадлежности к группе, которая переживает общий опыт несправедливости и противостояния [Klandermans, 2002]. В условиях полицейского давления такая идентичность может быстро распространяться: травмы, задержания, унижение и публичная стигматизация начинают восприниматься как опыт не отдельных участников, а всего движения. Все это повышает готовность к сопротивлению и облегчает переход к конфронтационным тактикам. Схожая логика работает и на стороне полиции. Нападения на сотрудников, повреждение полицейской собственности, включая автомобили, автобусы, спецтехнику, а в отдельных случаях также угрозы служебным собакам и лошадям усиливают корпоративную и организационную солидарность.

Пятая стадия – подтверждение исходного прогноза. Насильственные действия протестующих вызывают эффект переноса: поступки некоторых участников формируют отношение ко всему протесту. Даже если большинство не причастны к насилию, толпа начинает восприниматься как потенциально опасный коллективный субъект. Это центральный момент «ловушки Гоббса». Обе стороны подтверждают свои исходные прогнозы, в рамках которых противоположная сторона изначально была нацелена на эскалацию.

Шестая стадия – силовое вмешательство. Полиция применяет физическую силу и спецсредства, включая дубинки, газ, водометы, резиновые пули, служебных собак, конные подразделения, массовые задержания и т.д. Формально такое вмешательство вновь может быть представлено как восстановление порядка, пресечение правонарушений или защита граждан. Однако в таком случае насилие полиции становится аргументом в пользу дальнейшей про-

тестной мобилизации, а радикальные группы получают подтверждение собственных прогнозов.

Седьмая стадия – закрепление опыта столкновения. После завершения акции конфликт продолжается в публичном пространстве. Власть и полиция обращают особое внимание на насильственные действия протестующих, ущерб, травмы сотрудников и необходимость жесткого реагирования. Протестующие и сочувствующие им акторы распространяют кадры разгонов, задержаний, травм, применения спецсредств и непропорциональной силы. Каждая сторона создает нарратив, в котором ее собственные действия выглядят вынужденными, а действия противника – агрессивными. Этот опыт влияет на следующую акцию. Полиция и протестующие приходят на нее с более широким набором инструментов насилия и тактик. Подобный цикл может повториться, пока насилие не достигнет пика в рамках текущих протестных диспозиций, после чего начнется деэскалация.

В схематичном виде тропа насилия выглядит следующим образом: неопределенность намерений – определение угрозы – превентивное действие – ответная мобилизация – подтверждение исходного прогноза – силовое вмешательство – закрепление памяти столкновения. Эта последовательность не является универсальной в строгом смысле: отдельные стадии могут выпадать, меняться местами или происходить почти одновременно. Однако она позволяет увидеть, как именно реконструируется общий механизм «ловушки Гоббса».

Такая модель позволяет избежать двух крайностей. С одной стороны, она не сводит эскалацию к приказу сверху. Политические решения и правовые режимы имеют значение, но насильственная динамика часто формируется на уровне полицейских интерпретаций, пространственного контроля и ситуативных столкновений. С другой стороны, она не сводит насилие к хаосу протеста или случайной эмоциональной вспышке. Даже спонтанный эпизод обычно встроен в длинную цепочку событий.

Модель тропы насилия также показывает, почему насилие необходимо предотвращать на ранних стадиях. Когда конфликт перешел к стадии силового вмешательства и закреплению памяти о столкновении, влияние накопленного опыта взаимной враждебности увеличивает вероятность эскалации на следующей акции. Снизить вероятность эскалации значительно легче до запуска описанных механизмов. Для этого важно разрешать протестные акции, иметь каналы для переговоров с протестующими, отказываться от кол-

лективной стигматизации участников протестов, контролировать действия полиции и заставлять ее сотрудников отличать реальные действия от угроз. Подробно это было раскрыто на примере антиковидных протестов в австралийском Брисбене в 2020–2021 гг., где, в отличие от Мельбурна и Сиднея, механизмы эскалации не были запущены, благодаря чему все демонстрации прошли мирно [Клестов, 2025].

Заключение и дальнейшие направления исследований

В теории сформулированная нами модель позволяет рассматривать эскалацию протестного и полицейского насилия как взаимосвязанный процесс. Ее ядро составляет последовательность, в которой страх порождает упреждение, упреждение порождает ответное сопротивление, сопротивление подтверждает образ угрозы, а последующее применение силы закрепляет опыт конфликта, что повышает вероятность его воспроизводства. Именно поэтому анализ насилия во время протестов требует внимания не только к тому, кто первым применил силу, но и к тем шагам сторон, которые приводят к неизбежности насилия.

Ограничение же предложенной модели связано с ее априорными свойствами. Она описывает типовую траекторию эскалации, но не заменяет анализ конкретных кейсов. Для проверки модели необходимы дальнейшие исследования протестных кампаний с разными исходами: жесткая эскалация, умеренные действия, успешная деэскалация и отсутствие эскалации.

Однако проверка требует и соответствующей методологии, в рамках которой можно отличить ловушку Гоббса от других объяснений. На наш взгляд, наиболее подходящим для этого методом является отслеживание процессов (*process tracing*), поскольку речь идет именно о последовательности интерпретаций, решений и ответных действий. Для подтверждения тропы насилия необходимо показать, что стороны действовали в условиях неопределенности намерений, и поступки одной стороны были восприняты другой как угроза, а первичное конфликтное действие изменило коллективное восприятие другой стороны. В результате насилия становилось больше на основе взаимного подтверждения исходных ожиданий.

Еще одно направление дальнейших исследований связано с использованием булевой алгебры в рамках качественного сравнительного анализа (QCA). Предложенные нами механизмы могут

рассматриваться как сочетания условий, создающих разные траектории эскалации. В таком случае исследовательский вопрос будет состоять в том, какие конфигурации условий являются необходимыми или достаточными для полицейской и протестной эскалаций и взаимно раскручивающейся спирали насилия. Это особенно важно, поскольку один и тот же механизм может иметь разный эффект в зависимости от того, действует ли он изолированно или в связке с другими механизмами.

D.A. Klestov*

The path to violence: the “Hobbesian trap” and mechanisms of escalation in clashes between protesters and police

Abstract. The article conceptualizes the escalation of protest and police violence during street demonstrations. The theoretical framework is comprised by the model of the Hobbesian trap describing a situation in which conflict actors operate under conditions of mutual distrust, expect the worst-case scenario and take preventive actions, thereby increasing the likelihood of violent confrontation. Using protest episodes in Switzerland, Iceland and Finland, the article shows that sharp escalation may occur even in countries characterized by high public trust in the police, strong rule of law and low levels of political violence. The article clarifies the conceptual distinction between protest violence and police violence and emphasizes their asymmetric and relational character: the police possess an institutional right to use force, while protesters lack a comparable status, yet the actions of each side become signals, threats or justifications for the other. The central argument is that the Hobbesian trap requires a mechanistic specification. To this end, the article identifies three mechanisms of escalation on the side of the state and the police: emergency, marginalization and security. These mechanisms correspond to reactive mechanisms on the side of protesters: defensive mobilization, reduced costs of violence and radical flank radicalization. Together, they form the “path of violence” – a sequential model of transition from uncertainty of intentions to threat definition, preventive action, reactive mobilization, confirmation of initial expectations, coercive intervention and consolidation of the experience of confrontation.

Keywords: protests; police; police violence; protest violence; escalation; Hobbesian trap; cycle of violence; mechanisms.

For citation: Klestov D.A. The path to violence: the “Hobbesian Trap” and mechanisms of escalation in clashes between protesters and police. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 274–300. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.13>

* Klestov Daniil, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: klestov-57@mail.ru

References

- Acemoglu D., Robinson J.A. *Economic origins of dictatorship and democracy*. Cambridge: Cambridge university press, 2006, 416 p.
- Agamben G. *State of exception*. Chicago: University of Chicago press, 2005, 95 p.
- Arendt H. *On violence*. New York: Harcourt, brace and world, 1970, 106 p.
- Belenkov V.E. Long-term influence of the strength of repression in online and offline environments on the number of participants in post-election protests: a cross-national empirical study. *Politeia*. 2024, Vol. 112, N 1, P. 164–186. DOI: <http://www.doi.org/10.30570/2078-5089-2024-112-1-164-186> (In Russ.)
- Bittner E. *The functions of the police in modern society: a review of background factors, current practices, and possible role models*. Washington, DC: National institute of mental health, center for studies of crime and delinquency, 1970, 122 p.
- Booth K., Wheeler N.J. *The security dilemma: fear, cooperation and trust in world politics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008, 364 p.
- Butterfield H. *History and human relations*. London: Collins, 1951, 254 p.
- Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: a new framework for analysis*. Boulder: Lynne Rienner publishers, 1998, 239 p.
- Chenoweth E. The role of violence in nonviolent resistance. *Annual review of political science*. 2023, Vol. 26, P. 55–77. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051421-124128>
- Davenport C. State repression and political order. *Annual review of political science*. 2007, Vol. 10, P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.101405.143216>
- Della Porta D. *Social movements, political violence, and the state: a comparative analysis of Italy and Germany*. Cambridge: Cambridge university press, 1995, 270 p.
- Della Porta D., Reiter H. (eds). *Policing protest: the control of mass demonstrations in Western democracies*. Minneapolis: University of Minnesota press, 1998, 302 p.
- Galtung J. Violence, peace, and peace research. *Journal of peace research*. 1969, Vol. 6, N 3, P. 167–191. DOI: <https://doi.org/10.1177/002234336900600301>
- Goffman E. *Stigma: notes on the management of spoiled identity*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1963, 147 p.
- Gross O., Ní Aoláin F. *Law in times of crisis: emergency powers in theory and practice*. Cambridge: Cambridge university press, 2006, 481 p.
- Haines H.H. Black radicalization and the funding of civil rights: 1957–1970. *Social problems*. 1984, Vol. 32, N 1, P. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.2307/800260>
- Herz J.H. Idealist internationalism and the security dilemma. *World politics*. 1950, Vol. 2, N 2, P. 157–180. DOI: <https://doi.org/10.2307/2009187>
- Hobbes T. *Leviathan, or the Matter, forme and power of a common-wealth ecclesiastical and civil*. Moscow: Sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1936, 503 p. (In Russ.)
- Ives B., Lewis J.S. From rallies to riots: why some protests become violent. *Journal of conflict resolution*. 2019, Vol. 64, N 5, P. 958–986. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002719887491>
- Jervis R. Cooperation under the security dilemma. *World politics*. 1978, Vol. 30, N 2, P. 167–214. DOI: <https://doi.org/10.2307/2009958>

- Josua M. The legitimization of repression in autocracies. In: *Oxford research encyclopedia of politics*. Oxford: Oxford university press, 2021. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.1988>
- Kadivar M.A., Ketchley N. Sticks, stones, and Molotov cocktails: unarmed collective violence and democratization. *Socius: sociological research for a dynamic world*. 2018, Vol. 4, P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1177/2378023118773614>
- Kapustin B.G. On the concept of political violence. *Polis. Political studies*. 2003, N 6, P. 6–26. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.06.02> (In Russ.)
- Klandermans B. How group identification helps to overcome the dilemma of collective action. *American behavioral scientist*. 2002, Vol. 45, N 5, P. 887–900. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764202045005009>
- Klestov D.A. “(Not) sudden violence”: why democracies can violently suppress protests. *Politeia*. 2025, Vol. 119, N 4, P. 73–106. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2025-119-4-73-106> (In Russ.)
- Korotayev A.V. On possible economic and psychological factors of the Ukrainian revolution of 2014. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2014, Vol. 7, N 1, P. 56–74. (In Russ.)
- Korotayev A.V., Sawyer P.S., Grinin L.E., Romanov D.M., Shishkina A.R. Socio-economic development and anti-government protests in light of new results of quantitative analysis of global databases. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2020, Vol. 26, N 4, P. 61–78. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7642> (In Russ.)
- Lazar N.C. *States of emergency in liberal democracies*. Cambridge: Cambridge university press, 2009, 179 p.
- Leach I. “It’s on My Head”: Risk and accountability in public order policing. *The police journal: theory, practice and principles*. 2023, Vol. 96, N 1, P. 3–18. DOI: <https://doi.org/10.1177/0032258X211002597>
- Lichbach M.I. Deterrence or escalation? The puzzle of aggregate studies of repression and dissent. *Journal of conflict resolution*. 1987, Vol. 31, N 2, P. 266–297. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002787031002003>
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C. *Dynamics of contention*. Cambridge: Cambridge university press, 2001, 387 p.
- Moore W.H. Repression and dissent: substitution, context, and timing. *American journal of political science*. 1998, Vol. 42, N 3, P. 851–873. DOI: <https://doi.org/10.2307/2991732>
- Paoline E.A. III. Taking stock: toward a richer understanding of police culture. *Journal of criminal justice*. 2003, Vol. 31, N 3, P. 199–214. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0047-2352\(03\)00002-3](https://doi.org/10.1016/S0047-2352(03)00002-3)
- Rasler K.A. Dynamics, endogeneity, and complexity in protest campaigns. In: *Oxford research encyclopedia of politics*. Oxford: Oxford university press, 2017. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.321>
- Reynolds-Stenson H. Protesting the police: anti-police brutality claims as a predictor of police repression of protest. *Social movement studies*. 2017, Vol. 17, N 1, P. 48–63. DOI: <https://doi.org/10.1080/14742837.2017.1381592>
- Rodionova M.M., Smirnov N.M. The ship of Theseus: transformations of the concept of violence in political and social theory. *Politeia*. 2022, Vol. 106, N 3, P. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27> (In Russ.)

- Romanov D.M., Meshcherina K.V., Korotayev A.V. The share of youth in the total adult population as a factor in the intensity of nonviolent protests: a quantitative analysis. *Polis. Political studies*. 2021, N 3, P. 166–181. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.11> (In Russ.)
- Schmitt C. *Political theology: four chapters on the concept of sovereignty*. Chicago: University of Chicago press, 2005, 70 p.
- Snow D.A., Benford R.D. Ideology, frame resonance, and participant mobilization. *International social movement research*. 1988, Vol. 1, P. 197–217.
- Sullivan H. Sticks, stones, and broken bones: protest violence and the state. *Journal of conflict resolution*. 2018, Vol. 63, N 3, P. 700–726. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002718763932>
- Tilly C. *The politics of collective violence*. Cambridge: Cambridge university press, 2003, 276 p.
- Tilly C., Tarrow S.G. *Contentious politics*. Oxford: Oxford university press, 2015, 268 p.
- Ustyuzhanin V.V., Grinin L.E., Medvedev I.A., Korotayev A.V. Education and revolutions: why do revolutionary uprisings take violent or nonviolent forms? *Politeia*. 2022, Vol. 104, N 1, P. 50–71. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-50-71> (In Russ.)
- Ustyuzhanin V.V., Sumernikov I.A., Grinin L.E., Korotayev A.V. Urbanization and revolutions: a quantitative analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022, N 10, P. 85–95. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018478-8> (In Russ.)
- Waddington P.A.J. *Policing citizens: authority and rights*. London; Philadelphia: UCL press, 1999, 303 p.

Литература на русском языке

- Беленков В.Е. Долгосрочное влияние силы репрессий в онлайн- и офлайн-среде на численность участников поствыборных протестов: кросс-страновое эмпирическое исследование // *Полития*. – 2024. – № 1 (112). – С. 164–186. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2024-112-1-164-186>
- Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Социально-экономическое издательство, 1936. – 503 с.
- Капустин Б.Г. К понятию политического насилия // *Полис. Политические исследования*. – 2003. – № 6. – С. 6–26. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.06.02>
- Клестов Д.А. «(Не)внезапное насилие»: почему демократии могут жестко подавлять протесты // *Полития*. – 2025. – № 4 (119). – С. 73–106. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2025-119-4-73-106>
- Коротаяев А.В. О возможных экономико-психологических факторах украинской революции 2014 года // *Историческая психология и социология истории*. – 2014. – Т. 7, № 1. – С. 56–74.
- Образование и революции: почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму? / В.В. Устюжанин, Л.Е. Гринин, И.А. Медведев, А.В. Коротаяев // *Полития*. – 2022. – № 1 (104). – С. 50–71. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-50-71>

- Родионова М.М., Смирнов Н.М.* Корабль Тесея: трансформации понятия насилия в политической и социальной теории // *Полития*. – 2022. – № 3 (106). – С. 6–27. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27>
- Романов Д.М., Мецерица К.В., Коротаев А.В.* Доля молодежи в общей численности взрослого населения как фактор интенсивности ненасильственных протестов: опыт количественного анализа // *Полис. Политические исследования*. – 2021. – № 3. – С. 166–181. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.11>
- Социально-экономическое развитие и антиправительственные протесты в свете новых результатов количественного анализа глобальных баз данных / А.В. Коротаев, П.С. Сойер, Л.Е. Гринин, Д.М. Романов, А.Р. Шишкина // *Социологический журнал*. – 2020. – Т. 26, № 4. – С. 61–78. – DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7642>
- Урбанизация и революции: количественный анализ / В.В. Устюжанин, И.А. Су-мерников, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев // *Социологические исследования*. – 2022. – № 10. – С. 85–95. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018478-8>